
СИНТАКСИС

УДК 811.512.221.6 + 81'367.3 + 81'367.625.45
DOI 10.25205/2312-6337-2023-1-26-38

Осложняющие обстоятельства в орокском предложении: структура и семантика

Л. В. Озолия

Институт филологии СО РАН, Новосибирск, Россия

Аннотация

Осложняющие обстоятельства представлены в орокском языке непредикативными посессивными конструкциями с отглагольными именами существительными «сложной семантики». Являясь универсальной семантической категорией для выражения атрибутивных отношений между именами, посессивность располагает специфическими механизмами выражения в каждом языке. В тунгусо-маньчжурских языках посессивность оформляется атрибутивными притяжательными конструкциями. Семантические отношения между компонентами посессивной конструкции реализуются на уровне двучленной структуры, первый компонент которой – имя-посессор, второй – имя существительное, называющее предмет обладания, оформляемое маркером-релятором (посессивным суффиксом). В зависимости от принадлежности к грамматическому классу первого компонента, посессивные конструкции характеризуются как субстантивные и прономинативные. Последние представлены конструкциями с личными и возвратными местоимениями, заполняя в предложении позицию обстоятельства, которое по семантическим основаниям квалифицируется как осложняющее. Отглагольные имена сложной семантики, традиционно называемые глагольными формами: «форма одновременного действия» (симультатив), «условно-временная форма» (кондициональ), «форма цели» (супин), «условно-уступительная форма» (консессив), а также «форма несостоявшегося действия» [Петрова, 1967, с. 120], в составе посессивной конструкции заполняют синтаксические позиции обстоятельства времени, цели, условия, уступки или недостигнутой цели. Семантическими эквивалентами в русском языке выступают либо сочетания притяжательных местоимений с предложно-падежными формами имени существительного, либо придаточные соответствующих разрядов в составе сложноподчиненных предложений, присоединяемые подчинительными союзами. В статье предпринята попытка описания инвентаря осложняющих обстоятельств, находящих выражение в посессивных конструкциях с отглагольными именами особых архаичных парадигм. Описание осложняющего обстоятельства выполнено с точки зрения структуры и семантики.

Ключевые слова

орокский язык, осложняющее обстоятельство, семантика, структура, посессивная конструкция, отглагольные имена, возвратно-притяжательные деепричастия

Для цитирования

Озолия Л. В. Осложняющие обстоятельства в орокском предложении: структура и семантика // Языки и фольклор коренных народов Сибири. 2023. № 1 (вып. 45). С. 26–38. DOI 10.25205/2312-6337-2023-1-26-38

© Л. В. Озолия, 2023

ISSN 2712-9608

Языки и фольклор коренных народов Сибири. 2023. № 1 (вып. 45)

Languages and Folklore of Indigenous Peoples of Siberia. 2023. No. 1 (iss. 45)

Complicating adverbials in the Orok sentence: structure and semantics

L. V. Ozolinya

Institute of Philology of the SB RAS, Novosibirsk, Russian Federation

Abstract

Complicating adverbials are represented in the Orok language by non-predicative possessive constructions, verbal nouns of “complex semantics.” As a universal semantic category for expressing attributive relations between names, possessiveness has specific expression mechanisms in each language. In the Tungus-Manchu languages, possessiveness is formalized by attributive possessive constructions. Traditionally, semantic relations between the components of a possessive construction are implemented at the level of a two-term structure, with the first component being the name-possessor and the second component being the object of possession (exclusively a noun), formed by a marker-relator (possessive suffix). Depending on the grammatical class of the first component (the possessor), possessive constructions are characterized as substantive and pronominal, the latter derepresented by personal and reflexive ones occupying the position of an adverbial in the sentence and regarded as “complicating” in terms of semantics. The verbal nouns of “complex semantics” are traditionally referred to as verb forms: “simultaneous form,” “conditional-temporal form,” “purpose form,” “conditionally concessive form,” and “failed action form.” These verbal nouns occupy the syntactic positions of the adverbials of time, purpose, condition, concession, or unachieved purpose in the sentence as part of a possessive construction. The semantic equivalents of these adverbials in Russian are phrases of possessive pronouns with prepositional-case forms of a noun, or clauses of the corresponding categories in complex sentences, attached by subordinating conjunctions or allied words. This work describes the inventory of complicating adverbials manifested in possessive constructions with verbal nouns of special ancient paradigms in terms of structure and semantics.

Keywords

Orok language, complicating circumstance, semantics, structure, possessive construction, verbal nouns, reflexive possessive adverbs

For citation

Ozolinya L. V. Oslozhnyayushchie obstoystatel'stva v orokskom predlozhenii: struktura i semantika [Complicating adverbials in the Orok sentence: structure and semantics] *Yazyki i fol'klor korenykh narodov Sibiri* [Languages and Folklore of Indigenous Peoples of Siberia], 2023, no. 2 (iss. 45), pp. 26–38. (In Russ.). DOI 10.25205/2312-6337-2023-1-26-38

Осложняющие обстоятельства представлены в орокском языке непредикативными посессивными конструкциями с отглагольными именами существительными «сложной семантики». Обстоятельство как зависимая синтаксическая позиция в составе словосочетания или предложения находит свое выражение в тунгусо-маньчжурских языках не только в падежных формах имени существительного [Озолия, 2021, с. 211–221; Озолия, 2022, с. 139–153] или лексических единицах класса наречия, но и в непредикативных синтаксических структурах, в частности посессивных конструкциях с возвратно-притяжательными деепричастиями и особыми глагольными формами, так называемыми отглагольными именами «сложной семантики».

Исследований, посвященных анализу средств выражения обстоятельственной семантики в тунгусо-маньчжурских языках как в простом, так и в сложноподчиненном предложении, немного. Работ, посвященных анализу непредикативных посессивных конструкций в роли обстоятельства времени, цели, условия, уступки и т. п., практически нет. В грамматических описаниях анализ именных глагольных форм и возвратно-притяжательных деепричастий сводится к их перечислению с описанием аффиксов, образующих данные «глагольные формы», иногда – к фиксации их синтаксических ролей [Колесникова, Константинова, 1968, с. 121; Новикова, 1968, с. 101–102; Аврорин, 1961, с. 138–170; Кормушин, 1998, с. 97–98; Аврорин, Болдырев, 2001, с. 199, 363; и др.], причем, выделяют от двух до восьми словоформ возвратных деепричастий, в ульчском, удэгейском и эвенском – две именные формы: супин и кондициональ. Функциональные аспекты рассматриваются в синтаксических исследованиях преимущественно при анализе полипредикативных конструкций. Но поскольку в большин-

стве своем тунгусо-маньчжурские языки «при относительно слабой развитости форм сложноподчиненного предложения ... отличаются богатством причастных и деепричастных оборотов (словосочетаний), функционально соответствующих придаточным предложениям русского и других индоевропейских языков» [Суник, 1997, с. 160–161], обстоятельственные посессивные структуры, исходя из их семантики, традиционно квалифицируются как «полипредикативные конструкции с зависимым предикатом» [Бродская, 1988, с. 84], «ППК с зависимыми инфинитными формами (кондиционалом и целевой формой)» [Герасимова, 2006, с. 116], конструкции с «формами зависимой предикации» [Мальчуков, 1999, с. 145] и т. п.

В орокском языке отглагольные имена «сложной семантики», традиционно квалифицируемые как особые глагольные формы: «форма одновременного действия» (симультив), «условно-временная форма (кондициональ), «форма цели» (супин), «условно-уступительная форма» (консесив), «форма несостоявшегося действия» [Петрова, 1967, с. 120], в составе посессивной конструкции в предложении заполняют синтаксические позиции обстоятельства времени, цели, условия, уступки или недостигнутой цели. Орокские деепричастия в семантическом плане достаточно сложно соотносить с русскими деепричастиями: семантика орокского сложнее, кроме того, с грамматической точки зрения оно совершенно лишено даже относительных временных характеристик, которые присущи русским деепричастиям и определяются совершенным или несовершенным видом производящей основы (в орокском языке категория вида не сформирована). При этом возвратно-притяжательные деепричастия, не находя семантических эквивалентов среди деепричастий русского языка, вполне могут быть соотнесены с выраженными предложно-падежными формами обстоятельств в русском языке. В орокском предложении такие обстоятельства обычно занимают позицию абсолютного начала или абсолютного конца.

Несмотря на то, что непредикативные посессивные конструкции с отглагольными именами и возвратно-притяжательными деепричастиями семантически относительно эквивалентны обстоятельственным придаточным времени, причины, цели и условия русского языка (обстоятельства недостигнутой цели имеют весьма условные семантические аналоги), структурно они остаются простыми, осложнены они исключительно в плане семантики. Именно это послужило основанием для отнесения непредикативных посессивных конструкций с отглагольными именами и возвратно-притяжательными деепричастиями к разряду осложняющих.

Посессивность является универсальной семантической категорией для выражения атрибутивных отношений между именами, располагая в каждом языке специфическими механизмами выражения. В тунгусо-маньчжурских языках посессивность реализуется в пределах атрибутивной притяжательной конструкции, выступающей в предложении в функции подлежащего (исключением являются возвратно-посессивные структуры), дополнения или обстоятельства.

Семантические отношения между компонентами посессивной конструкции реализуются на уровне двучленной структуры, первый компонент которой – имя-посессор в именительном падеже, второй компонент – существительное, обозначающее предмет обладания («обладаемое»), с маркером-релятором – посессивным суффиксом. В зависимости от принадлежности первого компонента посессора к тому или иному грамматическому классу, конструкции характеризуются как субстантивные и прономинативные, последние представлены личными и возвратными.

В тунгусо-маньчжурских языках посессор может быть выражен несколькими языковыми способами, тогда как позицию «обладаемого» может заполнять исключительно имя существительное. Однако квалификация релятивной формы в орокском языке вне контекста практически невозможна: она осложняется, с одной стороны, омонимичностью суффиксальных служебных показателей, например, лично-притяжательных суффиксов имени существительного и лично-числовых глагольных показателей, с другой, широко распространенной частеречной деривацией, следствием которой является образование функциональных омонимов (структурно идентичных единиц различных грамматических классов): омонимичны лично-притяжательные формы существительного и личные формы глаголов, например: *би нэнухэмби* 'я ушел' и *би нэнухэмби* 'мой уход'. Но возвратно-притяжательные суффиксы имени существительного параллелей в системе глагольных показателей не имеют: возвратное притяжание допускают только имена существительные. Соответственно, лексические единицы, в структуре которых выявляется возвратно-притяжательный суффикс, независимо от того, квалифи-

цировались ли они ранее как «особые глагольные формы», «именные глагольные формы» или «деепричастия», могут являться только именами существительными особых, утраченных ныне в большинстве тунгусо-маньчжурских языков парадигм [Аврорин, 1959, с. 138; Петрова, 1941, с. 89; Суник, 1962, с. 247], отглагольными именами, не имеющими полных функционально-семантических эквивалентов в классе имен существительных русского языка. Именно Т. И. Петровой принадлежит идея о четкой организации этих единиц, являющихся по своему грамматическому оформлению и функционалу именными, их принадлежности к архаичным парадигмам, использовавшимся в тунгусо-маньчжурских языках для выражения отношений зависимости и оформления семантики цели, условия, уступки и т. п. в простом предложении [Петрова, 1967, с. 120].

Отглагольные имена представлены в орокском языке двумя парадигмами: существительными сложной семантики (в части тунгусо-маньчжурских языков ныне утраченных или представленных преимущественно супином и кондиционалом, тогда как в орокском языке выделяются помимо названных симультив, консессив и имя недостигнутой цели) и возвратно-притяжательными деепричастиями, которые выделяются во всех тунгусо-маньчжурских языках (от 2 до 8 форм). Все отглагольные имена дифференцируются в составе простого предложения по отношению к сказуемому: если основное и добавочное действие, обозначаемое обстоятельством, осуществляется одним субъектом, позицию обстоятельства заполняют свернутые посессивные конструкции с возвратно-притяжательными деепричастиями, если субъекты различны – посессивные конструкции с отглагольными именами. По этим основаниям к свернутым посессивным конструкциям отнесены такие, первый член которых, лично-притяжательное или возвратно-притяжательное местоимение, элиминируется, отражаясь суффиксом лексемы, квалифицируемой как деепричастие, но исторически восходящей к древней падежной форме субстантивированного причастия [Озолина, 2016, с. 218; Певнов, 1980, с. 11], так как посессивность в тунгусо-маньчжурских языках является категорией, свойственной исключительно именам существительным. Как справедливо отмечал О. П. Суник, «именными формами глагола мы называем ... такие частные глагольные формы, как супин, условная форма (кондициональ) и некоторые другие. Основанием для объединения указанных форм в одном общем разряде и для наименования его *разрядом именных форм глагола* (курсив мой – Л. О.) служит, прежде всего, тип окончаний, свойственных этим формам, – лично-притяжательные и возвратно-притяжательные окончания, присущие ... именам, а не глаголам» [Суник, 1962, с. 249].

В посессивной конструкции с отглагольными именами существительными позицию первого компонента посессора может заполнять несамостоятельное притяжательное или возвратное местоимение, реже – личное местоимение-существительное или имя существительное в форме именительного падежа. В роли предмета обладания или «обладаемого» выступает отглагольное имя сложной семантики, оформляемое маркером-релятором. Функции маркеров-реляторов выполняют посессивные суффиксы, отражающие имя посессора по категориям лица и числа (личные и лично-притяжательные) или только числа (возвратные суффиксы). Возвратно-притяжательные конструкции с «деепричастиями» в тунгусо-маньчжурских языках выступают в свернутом виде, допуская регулярную элиминацию посессора – возвратного местоимения-прилагательного *мэн(э)* ‘свой, свои’, дифференцируемого исключительно в отношении числа лиц-обладателей: ‘свой для одного или свой для многих’, но отражаясь маркером-релятором «обладаемого».

1. Обстоятельства времени

Осложняющие обстоятельства времени находят свое выражение в посессивных конструкциях с симультивом – отглагольным именем одновременного действия, кондиционалом – именем условно-временной семантики и одновременно-длительными, разновременными и условно-временными возвратными деепричастиями. Формально обстоятельства с возвратно-притяжательными деепричастиями выступают как однокомпонентная или «свернутая» посессивная конструкция, осложняющая предикативную структуру семантически: хотя посессор формально не выражен, его репрезентируют суффиксальные показатели (возвратно-притяжательные реляторы), оформляющие второй компонент («обладаемое»).

1.1. Обстоятельства, выраженные посессивными конструкциями с симультивом, квалифицируются как обстоятельства времени и обычно занимают позицию начала предложения, указывая на одновременность добавочного и основного действий, осуществляемых разными субъектами. Они семантически вполне соотносимы с придаточными времени, присоединяемыми союзами, в составе сложноподчиненного предложения в русском языке. Функции посессора в конструкциях с симультивом обычно выполняют несамостоятельные притяжательные местоимения, дифференцируемые в отношении лица и числа, но допускается использование существительных и личных местоимений-существительных, что характерно исключительно для посессивных структур с собственно именами существительными. Например:

(1) *Сун(у) биңэсису Пилетунду гёда нари кадараңусу вāхани.* [Новикова, 1950, 4–16]

сунн(у) **би=нэси=су** Пилетун=ду гёда нари
ваш **пребывать=Sim=Poss2Pl** Пильтун=Loc1 один человек
кадара=ну=су вā=ха=ни

медведь=PossInd=Poss2Pl убить=Past=3Sg

‘Когда вы были в Пильтуне, один человек вашего огромного медведя убил’ [Там же, 4–17] (букв.: во время вашего пребывания).

(2) *Эр мангасал бинэссири зин бара заргули манауачи-тани.* [Новикова, 1950, 4–18]

эр манга=сал **би=нэсси=ри** зин бара заргули
этот богатырь=Pl **жить=PossRef/Pl** очень много красные волки (черты)
манна=җа=чи тани

уничтожить=Past=Pl действительно

‘Эти богатыри, когда жили, очень много красных волков (чертей) уничтожали’ [Новикова, 1950, 4–22] (букв.: во время своей жизни).

1.2. Обстоятельства, выраженные посессивными конструкциями с кондиционалом – именем условно-временной семантики, могут быть квалифицированы как темпорально-условные или условно-временные придаточные. Они соотносимы с русскими придаточными времени, присоединяемыми временными подчинительными союзами, значение которых осложнено оттенком условия. В функции посессора в конструкциях с темпорально-условными именами достаточно часто выступают имена существительные и личные местоимения-существительные, что свойственно номинативным посессивным конструкциям. Обстоятельства с кондиционалом обычно занимают позицию начала предложения, указывая на последовательность основного и добавочного действий, а отчасти и на условность добавочного действия. Например:

(3) *Сини кучэмбэси пивэутэси кучэүэси пивэвлүхэни.*

сини кучэм=бэ=си **пивэ=үүтэ=си** кучэүэ=си
твой нож=Acc=Poss2Sg **точить=Cond=Poss2Sg** нож=Poss2Sg
пивэвлү=хэ=ни

стачиваться=Past=3Sg

‘Когда ты точишь свой нож, он становится тоньше (стачивается)’ [Новикова, 1950, с. 4–25] (букв.: во время / при условии точения).

(4) *Амба акпакутанё би симбё сэрруччилэми.*

амба **акпа=кута=нё** би сим=бё сэрручи=лэ=ми
черт **засыпать=Cond=Poss3Sg** я=1Sg ты=Acc2Sg разбудить=Fut=1Sg

‘Когда / если чёрт ляжет спать, я тебя разбудю’ [Озолия, 1991, с. 3–37]

(букв.: при условии / после его <черта> засыпания).

1.3. Обстоятельства, находящие выражение в посессивных конструкциях с субстантивными одно-временными деепричастиями, квалифицируются как обстоятельства времени, но помимо указания

на продолжительность субстантивного добавочного действия они косвенно обозначают причину, позволяющую осуществить главное. Осуществление основного действия в определенной мере возможно как следствие добавочного действия. Обстоятельства с одновременными деепричастиями в предложении регулярно занимают позицию абсолютного конца, факультативно допустима и позиция перед сказуемым. Например:

(5) *Гедара Торисал хусэлчи гобдѳтчи, гасандѳри асилбари, пурилбэри вэдэмэри.*

гедара Торисал хусэ=л=чи гобдѳ=(γо)т=чи
однажды род Ториса самец=Pl=Poss3Pl промышлять соболя=Past=3Pl
гасан=дѳ=ри аси=л=ба=ри пурил=бэ=ри
селение=Loc1=PossRefl жена=Pl=Acc=PossRefl/Pl дети=Acc=PossRefl/Pl
вэдэ=мэри

оставлять=SimPossRefl/Pl

‘Однажды мужчины рода Ториса соболевали, в своем селении своих жен и детей оставляя’ [Петрова, 1967, с. 112] (букв.: во время своего оставления / при условии оставления жен и детей <могли уходить далеко на промысел соболя>).

(6) *Нэумунэсэл ча долбоне чипали манагачи-тани, ча тугдулэнду тэмэри.*

нэумунэ=сэл ча долбоне чипали манна=γа=чи тани ча
брат=Pl тот ночь=Acc все прикончить=Past=3Pl точно тот
тугдулэн=ду **тэ=мэри**
мост=Loc1 **сидеть=SimPossRefl/Pl**

‘Братья в ту ночь всех [красных волков] прикончили, на мосту сидя [Петрова, 1967, с. 129–130] (букв.: во время своего сидения).

1.4. Обстоятельства, выраженные «свернутыми» посессивными конструкциями с субстантивными формами одновременно-длительного деепричастия, квалифицируются как обстоятельства времени. При результативных глаголах, обозначающих основное действие, помимо указания на продолжительность добавочного действия, одновременно-длительные деепричастия определяют последовательность основного и добавочного, косвенно указывая, что совершение основного действия возможно в результате длительного осуществления добавочного, что главное фактически является результатом добавочного. Обстоятельства времени с одновременно-длительными деепричастиями в предложении традиционно занимают позицию абсолютного начала. Например:

(7) *Хасамзѳ, хасамзѳ, гѳда пѳду хакпатчичи.*

хаса=мзѳ хаса=мзѳ гѳда пѳ=ду хакпа=тчи=чи
выслеживать=SimPossRefl/Sg один место=Loc1 догнать=Past=3Pl

‘Выслеживали они, выслеживали, в одном месте нагнали’ [Петрова, 1967, с. 112] (букв.: после своего долгого выслеживания).

(8) *Нэнэмде биккури аптугачи.*

нэнэ=мде бик=ку=ри апту=га=чи
идти=Sim/PossRefl/Sg место жилья=Acc=PossRefl/Pl достичь=Past=3Pl

‘Шли-шли <они>, до места своего жилья дошли’ [Петрова, 1967, с. 112]

(букв.: в результате своей долгой ходьбы они места своего жилья достигли).

1.5. Обстоятельства, находящие выражение в «свернутых» посессивных конструкциях с субстантивными формами разновременного деепричастия, могут быть квалифицированы как обстоятельства времени: они последовательно разделяют во времени добавочное (оно всегда предшествует основному) и основное действия, указывая на то, что основное происходит только после завершения добавочного. Кроме того, субстантивная форма разновременного деепричастия содержит косвенное ука-

зание и на условие, при котором как результат возможно осуществление основного. В предикативной конструкции условно-временные обстоятельства занимают позицию начала предложения. Например:

(9) *Потчоуотчи, бојо(н) баруни хэрэлипитчини.*

потчо=уотчи бојо(н) бару=ни хэрэлипит=чи=ни
прыгнуть=Sim/Sg медведь около=Poss3Sg закружиться=Past=3Sg
'Прыгнув, <он> вокруг медведя начал кружиться' [Петрова, 1967, с. 113]
(букв.: после своего прыжка).

(10) *Тар нэнэгэтчэри, сиромбо гэлэкури аптугачи.*

тар нэнэгэтчэ=ри сиром=бо гэлэку=ри а пту=уа=чи
так идти=SimPossRefl/Pl олень=Acc место поиска=PossRefl/Pl дойти=Past=3Pl
'Так, ушедши, дошли до того места, где они обычно разыскивают своих оленей' [Петрова, 1967, с. 113] (букв.: в результате своей ходьбы).

1.6. Обстоятельства, выраженные свернутыми посессивными конструкциями с условно-временными деепричастиями, также могут быть квалифицированы как распространенные обстоятельства времени. Условно-временные деепричастия определяют последовательность дополнительного (оно всегда предшествует основному) и основного действий, одновременно обозначая условие осуществления основного. Семантика этих отглагольных субстантивов орокского языка в большей мере эквивалентна семантике придаточных времени в полипредикативных конструкциях русского. Обстоятельства с условно-временными деепричастиями обычно следуют за подлежащим или занимают позицию начала предложения. Например:

(11) *Тари нари чимаги тэпэ, паиктануби нэннэни.*

тари нари чимаги тэ=пэ паикта=ну=би
тот человек утром вставить=CondSg трава=PossInd=AccPossRefl/Sg
нэнн=э=ни
идти=Pres=3Sg
'Тот человек утром, когда встанет, идет по свою траву' [Петрова, 1967, с. 113]
(букв.: тот человек после своего вставания после сна утром идет косить траву).

(12) *Хасумба-дда битиссэ, гочи сиромбо вандауачи.*

хасумба-дда би=пи=ссэ гочи сиром=бо вā=нда=уа=чи
сколько=то жить=Sim=Pl снова олень=Acc промышлять=идти=Past=3Pl
'Когда сколько-то (некоторое время) пожилы, снова ушли дикого оленя промышлять' [Петрова, 1967, с. 114] (букв.: после их проживания некоторое время <на одном месте>).

2. Обстоятельства условия

Осложняющие обстоятельства условия находят свое выражение в посессивных конструкциях с консессивом – отглагольным именем существительным условно-уступительной семантики.

2.1. Обстоятельства, выраженные посессивными конструкциями с консессивом, могут быть квалифицированы как обстоятельства условия: они указывают на добавочное действие, при осуществлении которого возможно выполнение основного, и вполне соотносимы с условными придаточными в русском языке. В функции посессора в конструкциях с отглагольными именами условно-уступительной семантики функционируют преимущественно несамостоятельные притяжательные местоимения. Обстоятельства условия обычно занимают позицию абсолютного начала предложения. Например:

(13) *Мин улаба гадауиви, си хоттоуи нэннелэси.*

мин ула=ба гада=уи=ви си хотто=тои нэнне=лэ=си

мой олень=Acc **купить**=Cons=PossRefl/1Sg ты город=Lat-Dat поехать=Fut=2Sg
 ‘Если я оленей куплю, ты в город поедешь’ [Петрова, 1967, с. 129]
 (букв.: при условии моей покупки оленей).

(14) *Син мѡлоуитэси би улиссэ ололлѣви.*

син **моло**=**уигэ**=**си** би улис=сѣ оло=лле=ви
 твой **принести дрова**=Cons=PossRefl/2Sg я мясо=Acc варить=Fut=1Sg
 ‘Если ты дров принесешь, я сварю мясо’ [Новикова, 1950, с. 4–21]
 (букв.: при условии твоего принесения дров’).

2.2. Обстоятельства, выраженные свернутыми посессивными конструкциями с условно-временными деепричастиями, могут быть также квалифицированы как распространенные обстоятельства условия: указывая на последовательность добавочного (во временном плане всегда предшествует основному) и основного действий, одновременно обозначает условие, при котором основное действие может быть совершено. Обстоятельства с условно-временными деепричастиями находят семантические эквиваленты среди условно-временных придаточных русского языка. В предложении обстоятельства условия регулярно занимают позицию после подлежащего или следуют за дополнением. Например:

(15) *Би эдэ(н) паталаңуни бѣпе, илауалта конгокту дапсиңзилами.*

би эдэ(н) патала=ңу=ни **бѣ=пе** илауалта конгокту
 я царь дочь=PossInd=AccPoss3Sg **найти=CondSg** трижды колокол
 дапси=пин=зи=ла=ми
 звонить=заставить=Pres=начать=1Sg
 ‘Я, дочь царя когда найду, трижды в колокол ударю’ [Петрова, 1967, с. 113]
 (букв.: при условии нахождения дочери царя я трижды колокольчик заставлю начать звонить).

(16) *Би меокчалапе, ча бэјнэ меокчаллѣлахамби.*

би **меокчала=пе** ча бэјнэ меокчаллѣ=ла=хам=би
 я **стрелять=CondSg** тот медведь застрелить=бы=Past=1Sg
 ‘Если бы я выстрелил, я того зверя застрелил бы’ [Петрова, 1967, с. 107]
 (букв.: при условии моей (своей для меня) стрельбы тот медведь был бы мною застрелен).

Условно-временные деепричастия образуются суффиксами *-на / -нэ*, к которому прибавляется возвратный суффикс *-и*, что дает в результате фузии вариант суффикса *-ни / -не* в единственном числе, *-ни=c'c'a / -ни=c'c'э* – во множественном, причем второй компонент, по мнению Т. И. Петровой, сопоставим с суффиксом *-сал / -сэл*, оформляющим множественное число имени существительного. Функционально и семантически условно-временные деепричастия соотносимы с кондиционалом, квалифицированным Т. И. Петровой как «условно-временная форма» [Петрова, 1967, с. 117].

3. Обстоятельства уступки

Осложняющие обстоятельства уступки находят свое выражение в посессивных конструкциях с отглагольными именами условно-уступительной семантики.

3.1. Обстоятельства, выраженные свернутыми посессивными конструкциями с консессивом, квалифицируются в орокском языке как обстоятельства уступки: они указывают на несоответствие фактического результата ожидаемому, на наличие фактов, препятствующих осуществлению намерений. Обстоятельства уступки с консессивом семантически сопоставимы с русскими уступительными придаточными в составе сложноподчиненного предложения. В посессивных конструкциях с отглагольными существительными уступительной семантики позицию посессора могут заполнять собственно имена существительные, личные местоимения-существительные и значительно реже – несамостоятельные притяжательные местоимения. В предложении обстоятельства с консессивом обычно зани-

мают позицию после препозитивного подлежащего и обстоятельства времени. Например:

(17) *Би (мин) оронне инэни ундэуви мимбе этчини дāбу.*

би (мин) оронне инэни **ундэ=үи=ви** мим=бе
я (мой) недавно днем **говорить=Cons=Poss1Sg** я=Асс
э=тчи=ни дāбу

слушаться (подчиняться)=Neg:AUX=Past=3Sg

‘Хотя я сегодня (и) говорил, по-моему не сделали’ [Петрова, 1967, с. 121]

(букв.: несмотря на мое недавно днем говорение, меня не послушались’).

(18) *Бу (мун) нōттоини улалбари бурэгипу нōни этчини гāда.*

Бу (мун) нō=ттои=ни ула=л=ба=ри
мы (наш) он=Lat-Dat=Poss3Sg олень=Pl=Acc=PossRefl/Pl
бурэ=үи=пу нōни э=тчи=ни гāда

давать=Cons=Poss1SPI он брать=Neg:AUX=Past=3Sg

‘Хотя мы ему своих оленей давали, он не взял’ [Петрова, 1967, с. 121]

(букв.: вопреки нашему даванию ему своих оленей он не взял’).

3.2. Обстоятельства, выраженные свернутыми посессивными конструкциями с консессивом, могут функционировать в орокском языке как вводные, занимая в предложении позицию между подлежащим и сказуемым. Отчасти такие конструкции с отглагольными именами условно-уступительной семантики, образованными преимущественно от статических глаголов восприятия, мысли, речи, чувства и т. п., содержат косвенное указание на условие, при котором осуществляется действие. Например:

(19) *Тари пэттэ мапа итэуни зин оннори*

тари пэттэ мапа **итэ=үи=ни** зин оннори
тот нерпа старик **взглянуть=Intr=Poss3Sg** пестрый.SD

‘Та нерпа, как старик посмотрит, очень пестрая’ [Петрова, 1967, с. 121]

(букв.: эта нерпа, на взгляд старика, очень пестрая).

4. Обстоятельства цели

Осложняющие обстоятельства цели находят свое выражение в посессивных конструкциях с отглагольными именами целевой семантики.

4.1. Обстоятельства, выраженные посессивными конструкциями с супином, квалифицируются в предложении как обстоятельства цели. В зависимости от того, осуществляется ли основное и добавочное действия, обозначаемые обстоятельствами, одним лицом или разными лицами, в функции релятора могут использоваться личные, притяжательные и возвратные суффиксальные показатели. Позицию посессора при этом могут заполнять личные, несамостоятельные притяжательные и возвратные местоимения (последние допускают регулярную элиминацию). Эквивалентами обстоятельства цели, выраженного посессивной конструкцией с супином, являются в русском языке придаточные цели в сложноподчиненном предложении. Обстоятельства цели с супином регулярно занимают позицию конца предложения. Например:

(20) *Ториса Геттатаи гēда наррē бууэчи итэчибуддуни, Гетта мангануни булкүтэне, алду гаду-буддуни.*

Ториса Гетта=таи гēда нар=рē бу=үэ=чи
род Ториса род Гетта=Lat-Dat один человек=Асс дать=Past=3Pl
итэчи=будду=ни Гетта манга=ну=ни
следить=Sup=Poss3Sg Гетта богатырь=PossInd=Poss3Sg
бул=күтэ=не алду **гаду=буддо=ни**

умереть=Cond=Poss3Sg новость **принести=Sup=Poss3Sg**

‘Род Ториса роду Гетта дал одного человека, чтобы он следил и, когда богатырь рода Гетта умрет, чтобы он принес известие’ [Петрова, 1967, с. 117] (букв.: род Торису роду Гетта дал одного человека для слежения, при условии смерти богатыря рода Гетта – для принесения <им> известия).

(21) *Чбччи тари нари гѣда туксамба вѣха=ни мама дэптэбуддѣни.*

чбччи тари нари гѣда туксам=ба вѣ=ха=ни мама
потом тот человек один заяц=Acc убить=Past=3Sg старуха
дэптэ=буддѣ=ни
есть=Sup=Poss3Sg

‘Потом тот человек одного зайца убил, чтобы старуха поела’ [Новикова, 1950, с. 4–26] (букв.: для еды старухи).

5. Обстоятельства недостигнутой цели

Обстоятельства недостигнутой цели находят свое выражение в посессивных конструкциях с отглагольными именами «несостоявшегося действия» или «недостигнутой цели».

5.1. Семантика обстоятельства, выраженного посессивной конструкцией, в которой позицию «обладаемого» заполняет существительное недостигнутой цели, может быть условно охарактеризована как отрицательная причинно-целевая: основное действие осуществляется, чтобы добавочное действие, выраженное обстоятельством, не могло произойти. Полных смысловых аналогов таким обстоятельствам орокского языка в русском нет: обстоятельство указывает на намерение, которое не имеет возможности осуществиться из-за действий субъекта (субъектов). Довольно условными семантическими эквивалентами в русском языке являются сложноподчиненные предложения с придаточными уступки или цели отрицательной семантики. В предикативной конструкции обстоятельство недостигнутой цели занимает позицию начала предложения. Например:

(22) *Мин нэнуңэјзиви мапа угдаби эсини бурэ.*

мин **нэну=нэјзи=ви** мапа угда=би
мой **уехать=SupNeg=Poss1Sg** старик лодка=Acc/PossRefl
э=си=ни бурэ
дать=AUX:Neg=Pres=3Sg

‘Я собралась уехать, старик лодку не дает’ [Новикова, 1950, с. 4–36] (букв.: для моего не-отъезда = чтобы я не уехала).

(23) *Син у(н)=нэјзи=си нарисал чипал нэнууэчи.*

син **у(н)=нэјзи=си** нари=сал чипал нэну=γэ=чи
твой **говорить=SupNeg=Poss2Sg** мужчина=P1 все уйти=Past=3=Sg

‘Потому что ты собирался <что-то> сказать, все мужчины ушли’ [Новикова, 1950, с. 4–39] (букв.: для твоего не-говорения = чтобы ты <ничего> не сказал’).

Можно предположить, что данные конструкции являются достаточно архаичными, о чем свидетельствует их отсутствие в других тунгусо-маньчжурских языках ныне (их заменили, например в нанайском языке, конструкции с отрицательными деепричастиями цели) [Аврорин, 1961, с. 171] и низкая частотность их использования в орокских фольклорных текстах, записанных Т. И. Петровой и К. А. Новиковой в 40–50-х гг. XX в., в пору активного функционирования орокского языка как языка межнационального общения на северном Сахалине [Новикова, 1950, с. 1–18], но именно в них наглядно демонстрируется специфика орокского языка, ориентированного на экономное использование языковых средств для выражения различных смыслов, что часто делает невозможным подбор эквивалентов в русском языке, осложняя или вообще исключая структурно-семантическое соотношение синтаксических единиц языков типологически различных систем.

Выводы

Основной проблемой при сопоставлении языков типологически различных систем остается проблема понимания, которая напрямую связана с механизмами эквивалентного выражения смысла как в структурном, так и в семантическом плане.

Описание осложняющих обстоятельств в орокском языке, выраженных посессивными конструкциями с отглагольными именами «сложной семантики», позволило выявить и описать их инвентарь, а также уточнить семантический и функциональный статус как «особых глагольных форм», так и возвратных деепричастий: все эти конструкции выполняют в предложении только функцию обстоятельства.

Осложняющие обстоятельства с отглагольными именами и возвратными деепричастиями в орокском языке допускают соотнесение синтаксических ролей (5 форм отглагольных имен и 5 форм возвратно-притяжательных деепричастий), дифференцируясь по отношению к основному действию, осуществляемому одним или различными субъектами.

Все осложняющие обстоятельства с отглагольными образованиями «сложной семантики», независимо от своего семантического разряда и временных показателей предиката, указывают на относительную привязанность как главного, так и зависимого действия к реальному времени: события в них происходят, будут происходить или происходили как бы *вне* времени речи. Можно предположить, что отглагольные именные формы «сложной семантики» изначально были формами эвиденциальными.

Структурные отличия осложненного простого предложения в орокском языке и семантически эквивалентных русских полипредикативных сложноподчиненных конструкций основываются на использовании для выражения отношений зависимости различных средств: подчинительных союзов, связывающих предикативные части в составе сложного предложения в русском языке, и синтаксической связи отражение, основанной на наличии в тунгусо-маньчжурских языках категории притяжания, оформляющей посессивные конструкции обстоятельственной семантики с отглагольными именами: симульгативом, консессивом, супином, кондиционалем и возвратно-притяжательными деепричастиями, по сути являющимися именами существительными. Монопредикативные в структурном плане предложения орокского языка с обстоятельствами, выраженными конструкциями с отглагольными именами, являются семантически сложными, полипропозитивными, соответствующими русским полипредикативным сложноподчиненным предложениям.

Список литературы

- Аврорин В. А. Грамматика нанайского языка. Т. I. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1959. 282 с.; Т. II. 1961. 294 с.
- Аврорин В. А., Болдырев Б. В. Грамматика орокского языка. Новосибирск, 2001. 400 с.
- Бродская Л. М. Сложноподчиненное предложение в эвенкийском языке. Новосибирск, 1988. 134 с.
- Герасимова А. Н. Полипредикативные конструкции нанайского языка в сопоставлении с ульчским: Дис. ... канд. филол. наук. Новосибирск, 2006. 288 с.
- Колесникова В. Д., Константинова О. А. Негидальский язык // Языки народов СССР. Т. V. Л., 1968. С. 109–128.
- Кормушин И. В. Удыхейский (удэгейский) язык. М., 1998. 320 с.
- Мальчуков А. Л. Синтаксис простого предложения в эвенском языке (структурные и семантические аспекты). СПб., 1999. 257 с.
- Новикова К. А. Эвенский язык // Языки народов СССР. Т. V. Л., 1968. С. 88–109.
- Озолия Л. В. О структурной и семантической соотносимости грамматических единиц языков типологически различных систем. Ч. IV. Система отглагольных образований: причастие, деепричастие, особые глагольные формы (на материале орокского и русского языков) // Сибирский филологический журнал. 2016. № 2. С. 211–221.

Озолина Л. В. Обстоятельство в тунгусо-маньчжурских языках: структурно-семантический аспект. I. Обстоятельство места // Языки и фольклор коренных народов Сибири и Дальнего Востока. 2021. № 1. С. 139–153.

Озолина Л. В. Обстоятельство времени в нанайском и орокском языках: структурно-семантический аспект // Сибирский филологический журнал. 2022. № 2. С. 235–253.

Певнов А. М. Деепричастия на -ми в эвенкийском языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Л., 1980. 23 с.

Петрова Т. И. Очерк грамматики нанайского языка. Л., 1941. 107 с.

Петрова Т. И. Язык ороков (ульта). Л.: Наука, 1967. 155 с.

Суник О. П. Глагол в тунгусо-маньчжурских языках. Морфологическая структура и система форм глагольного слова. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1962. 363 с.

Суник О. П. Тунгусо-маньчжурские языки // Языки мира. Монгольские языки. Тунгусо-маньчжурские языки. Японский язык. Корейский язык. М.: Индрик, 1997. 407 с.

Список источников

[Новикова, 1950] – Архив К. А. Новиковой: полевые записи в 4-х тетрадах, сделанные во время экспедиции 1949–1950 гг. на северном Сахалине, хранящиеся в Институте филологии СО РАН, г. Новосибирск.

[Озолина, 1989] – Архив Л. В. Озолиной: полевые записи в 6 тетрадах, сделанные во время экспедиций 1989, 1991, 1994, 1997, 2000 гг. на северном Сахалине, хранящиеся в Институте филологии СО РАН, г. Новосибирск.

References

Avrorin V. A. *Grammatika nanayskogo yazyka* [Grammar of the Nanai language.]. Moscow, Leningrad, AN SSSR, Vol. 1, 1959, 282 p.; Vol. 2, 1961, 294 p. (In Russ.).

Lingvisticheskiy entsiklopedicheskiy slovar' [Linguistic encyclopedic dictionary]. Moscow, Sov. entsikl., 1990, 683 p. (In Russ.).

Ozolinya L. V. O strukturnoy i semanticheskoy sootnosimosti grammaticheskikh edinitz yazykov tipologicheskii razlichnykh sistem. Ch. IV. Sistema otglagol'nykh obrazovaniy: prichastie, deeprichastie, osobye glagol'nye formy (na materiale orokskogo i russkogo yazykov) [On the structural and semantic correlation of grammatical units of languages of typologically different systems. Pt. IV. The system of verbal formations: participle, gerund, special verbal forms (based on the Orok and Russian languages)]. *Siberian Journal of Philology*, 2022, no. 2, pp. 211–221. (In Russ.).

Ozolinya L. V. Obstoyatel'stvo vremeni v nanayskom i orokskom yazykakh: strukturno-semanticheskiy aspekt [Adverbial modifier of time: structural and semantic aspect]. *Siberian Journal of Philology*, 2022, no. 2, pp. 235–253. (In Russ.).

Ozolinya L. V. Obstoyatel'stvo v tunguso-man'chzhurskikh yazykakh: strukturno-semanticheskiy aspekt. I. Obstoyatel'stvo mesta [Adverbial in the Tungus-Manchu languages: structural and semantic aspect. I. Adverbial of place]. *Languages and Folklore of Indigenous Peoples of Siberia*. 2021, no. 1, pp. 139–153. (In Russ.).

Pevnov A. M. *Deeprichastiya na -mi v evenkiyskom yazyke* [Germs in -mi in the Evenki language]. Abstract of Cand. philol. sci. diss. Leningrad, 1980, 23 p. (In Russ.).

Petrova T. I. *Ocherk grammatiki nanayskogo yazyka* [Essay on the grammar of the Nanai language]. Leningrad, 1941, 107 p. (In Russ.).

Petrova T. I. Yazyk orokov (ul'ta) [Orok (uilt) language]. Leningrad, Nauka, 1967, 155 p. (In Russ.).

Sunik O. P. *Glagol v tunguso-man'chzhurskikh yazykakh. Morfologicheskaya struktura i sistema form glagol'nogo slova* [A verb in the Tungus-Manchu languages. Morphological structure and system of forms of the verb word]. Moscow, Leningrad, AN SSSR, 1962, 363 p. (In Russ.).

List of sources

Arkhiv K. A. Novikovoy: polevye zapisi v 4-kh tetradnykh, sdelannye vo vremya ekspeditsii 1949–1950 gg. na severnom Sakhaline, khranyashchiesya v Institute filologii SO RAN, g. Novosibirsk [Archive of K. A. Novikova: field notes in 4 notebooks made during the 1949–1950 expedition to northern Sakhalin, kept at the Institute of Philology, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk].

Arkhiv L. V. Ozolini: polevye zapisi v 6 tetradnykh, sdelannye vo vremya ekspeditsiy 1989, 1991, 1994, 1997, 2000 gg. na severnom Sakhaline, khranyashchiesya v Institute filologii SO RAN, g. Novosibirsk [Archive of L. V. Ozoliny: field notes in 6 notebooks made during expeditions in 1989, 1991, 1994, 1997, 2000 on northern Sakhalin, kept at the Institute of Philology, Novosibirsk].

Условные обозначения

1 – 1-е лицо; **2** – 2-е лицо; **3** – 3-е лицо; **ACC** – винительный падеж; **ADJ** – имя прилагательное; **ADV** – наречие; **AUX:Neg** – аналитическая отрицательная форма глагола; **COND** – кондициональ; **CONS** – консессив; **FUT** – будущее время; **LAT-DAT** – направительно-дательный падеж; **INTR** – вводная конструкция; **LOC I** – местный I падеж; **PART** – частица; **PAST** – прошедшее время; **Pl** – множественное число; **POSS** – притяжательный аффикс; **PRES** – настоящее время; **POSS** – консессивность (притяжание); **POSSInd** – косвенная принадлежность; **POSSRefl** – возвратное притяжание; **Prt2** – предикативное причастие обычности (регулярности) действия; **SD** – превосходная сравнительная степень прилагательного; **Sg** – единственное число; **SIM** – симультив; **SUP** – супин; **SUP Neg** – имя недостигнутой цели.

*Рукопись поступила в редакцию
The manuscript was submitted on
30.02.2023*

Сведения об авторе

Озолия Лариса Викторовна – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Института филологии Сибирского отделения Российской академии наук (Новосибирск, Россия)

E-mail: larisa-3302803@rambler.ru

ORCID: 0000-0002-3749-816X

Information about the Author

Larisa V. Ozolinya – Candidate of Philology, Researcher, Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Novosibirsk, Russian Federation)

E-mail: larisa-3302803@rambler.ru

ORCID: 0000-0002-3749-816X